

Он источал чудесный аромат и оставлял долгое послевкусие.

Линь Байци не знал, на каком этническом языке звучал этот голос. Он не понимал ни слова, но произношение было полно красоты.

Сладостное! Эфирное! Безмятежное!

Оно наполнило его чувством облегчения, словно после нового дождя в пустынных горах!

Линь Байци даже забыл о голоде и погрузился в звуки песнопений, подобные волшебной музыке.

Жизнь подобна лодке, рассекающей ветер и волны.

Семилетний Линь Байци, с маленьким ведёрком и сачком, босиком бегал у ручья, пытаясь поймать вьюна, который только что ускользнул.

Он надкусил зелёный абрикос, и зубы заболели.

Семнадцатилетний Линь Байци обильно потел на корте, яростно писал в экзаменационной аудитории и смотрел из окна классной комнаты вслед девушке, в которую был влюблён.

Он хотел поймать цикаду и принадлежавшее ему лето.

Двадцатисемилетний Линь Байци бодр в компании, хмельно пьёт у придорожных ларьков и ночами строит жизненные планы в съёмной квартире.

Ему казалось, что он способен на всё: достать звёзды одной рукой, оседлать дракона, убить кита.

В тридцать семь лет Линь Байци так ничего и не добился, сидит безработным дома.

Без девушки, без зарплаты, без друзей, он плотно задёргивал шторы, опасаясь каждодневного восхода солнца.

В сорок семь Линь Байци - ходячий мертвец, лежит в постели и ждёт, когда в дверь постучится смерть.

Жизнь подобна лодке, твоя голова будет разбита и окровавлена!

— Бля... — не сдержался Линь Байци, выругавшись национальным ругательством.

«Такова моя жизнь?

Да ладно!»

Линь Байци был так несчастен, что хотел избить десятерых, чтобы излить гнев.

Внезапно в животе пронзила острая боль, а подавляющее чувство голода заставило Линь Байци потечь слюной.

Гу-лу!

Это чувство голода вернуло Линь Байци сознание, и тогда он увидел, что все вокруг раскачиваются и лежат на полу.

На всех или искажённые, или воодушевлённые, или разъярённые выражения лиц...

Слушать священные писания?

Все об этом забыли!

Но ещё более ужасающим было то, что Линь Байци обнаружил, что виноградная удавка на его шее медленно затягивалась, и он уже немного задыхался.

«Этот звук песнопений сплетёт плохой сон!»

«Почему ты не предупредил меня раньше?»

Возопил в сердце Линь Байци. Благодаря стимуляции голодом ему удалось вырваться из сна.

Самое срочное – быстро дослушать этот отрывок и выполнить священную игру.

Просто многочисленные отвлекающие мысли в его голове вкупе с нервозностью и сердцебиением из-за угрозы удушья не позволяли Линь Байци успокоиться и внимать сутрам.

Что делать?

Линь Байци схватил факел рядом с собой.

Приказать ему?

Он только что вошёл в эту медитационную келью и не предпринимал действий, опасаясь разгневать богов и быть задушенным, но теперь, видимо, у него не было выбора.

Виноградная удавка на его шее затягивалась всё туже.

Линь Байци как раз собрался встать, но когда его левая рука легла на рюкзак, в голове мелькнула идея.

Этот чай!

Предложение, составленное белым дымом благовоний, можно просто понять как сидеть в позе лотоса и внимать песнопениям. Если сохранить неподвижность и вслушиваться тихо, можно достичь «другого берега».

Так называемый «другой берег» должен означать выживание.

Проблема, с которой все сейчас столкнулись, в том, что звук песнопений пробуждает всевозможные отвлекающие мысли, мешая успокоиться и внимать сутрам.

Линь Байци поспешно открыл рюкзак, зачерпнул горсть молочного тигуаньиня и набил им рот.

Он крепко сжал зубы, и выступил сок.

Бог сказал, что после питья этого чая он потеряет все эмоции, его сердце очерствеет, как железо, и он станет пустым человеком, который мгновенно утратит интерес к мечтам, женщинам и прочему и вступит в эпоху мудрецов.

Разве это не значит, что он избавится от отвлекающих мыслей?

Линь Байци был готов попробовать. Если молочный тигуаньинь не сработает, он подожжёт курильницу!

«Не знаю, полезно ли просто жевать его сухим?»

У Линь Байци не было времени искать кипятка для заваривания чая, но после того, как он проглотил чайные листья, всего через десять секунд хаотичные мысли в его голове исчезли, словно смытые пыль тяжёлым дождём.

Даже медленно затягивающаяся вокруг шеи виноградная удавка больше не волновала Линь Байци.

«Разве это не просто смерть?

Да валяйте,

Я лежу, постарайтесь ещё».

Звук песнопений отчётливо долетал до его ушей,

Линь Байци, сидевший в позе лотоса, не пропустил ни единого слова, и виноградная удавка, сдавливавшая его, постепенно ослабла.

— Я справился! — слегка улыбнулся Линь Байци.

Остальным не так повезло.

Толстяк обычно много ел жирной, солёной и масляной пищи, не занимался физкультурой, так что находился в худшей физической форме. Теперь его лицо посинело, и его уже душило.

Линь Байци бросил на него взгляд, зачерпнул горсть молочного тигуаньиня, внезапно вскочил и бросился к Цзинь Инчжэнь:

— Быстро, съешь чай!

Корейская девушка плотно закрыла глаза и оставалась безучастной.

Линь Байци взял её за подбородок, раздвинул губы, засунул чайные листья и поспешил к старушке, проделав то же самое.

После того как он напоил Сыма Му и Хуа Юэюй, у Линь Байци закончились чайные листья. К счастью, у Цзинь Инчжэнь они еще оставались, поэтому он поспешил их забрать.

Затем настала очередь сестры Ли и брата Гу.

В конце концов Линь Байци посмотрел на толстяка. Этот человек произвёл на него плохое впечатление, но раз жизнь была на кону, он решил ему помочь.

После того как он напоил всех чаем, Линь Байци быстро сел в позу лотоса.

Когда все проглотили молочный тигуанъинь, они постепенно пришли в себя.

— Что случилось? — в замешательстве спросила старушка.

— Если у тебя во рту остался чай, быстро проглоти его. Не думай ни о чём. Просто сохраняй позу и внимай сутрам! — предупредил Линь Байци.

— Чай? Что ты сделал? — Хуа Юэюй почувствовала вкус во рту, немного похожий на питательную добавку.

А?

Почему меня больше не волнует, выживу ли я?

— Оппа... — Цзинь Инчжэнь поняла, что Линь Байци помог всем. На её красивом овальном лице читались напряжение и воодушевление.

«Я, оппа Лин, действительно потрясающий!»

Тело толстяка оцепенело от удушья и нехватки кислорода. Он несколько раз пытался, но не смог сесть в позу лотоса, поэтому виноградная удавка на его шее снова затянулась.

Это было просто издевательство над ним.

— Помогите... помогите мне! — инстинкт всё же заставил его попросить о помощи, но поскольку он съел молочный тигуанъинь, то не кричал истерично.

Никто не спас его, не потому что все были бессердечными, а потому что подействовал чай.

Когда песнопение закончилось, виноградная удавка на шее толстяка полностью затянулась, перервав ему шейные позвонки.

После этого его тело явно обезвожилось, сморщилось и растрескалось, словно пролежало на ветру и солнце тысячи лет, разрушенное непогодой, осталась лишь куча пыли.

От этой ужасающей сцены у всех по телу пробежала дрожь, и они бессознательно потрогали свои шеи.

А?

Неужели эта удавка исчезла?

— Мы прошли испытание? — с экстазом на лице спросила старушка.

— Ха-ха, я выжил! — громко рассмеялся Сыма Му, вскочил и бросился к Линь Байци: — Бай Ци, благодаря тебе, давай поклянёмся в вечной дружбе!

— Что ты сделал? — Хуа Юэюй наконец смогла как следует разглядеть этого крупного парня.

У него зелёное лицо, и он не слишком бывалый в этом мире. Должно быть, он всё ещё в школе. Он очень высокий. Если бы у него была лучшая прыгучесть, он мог бы стать данкером.

— Я накормил вас чайными листьями! — Линь Байци придумал оправдание: — Я тогда очень проголодался и не имел, что поесть, поэтому просто набил рот собранными на дворе листьями этого растения. Неожиданно я очнулся от сна и успокоился!

— Какой чай? — озадачилась сестра Ли. — Почему я раньше его не видела?

— Это то растение с листьями, похожими на сидящую на лотосе Гуаньинь! — вмешалась Цзинь Инчжэнь.

— А? Точно, то самое! — узнал брат Гу, но все боялись, что странное на вид растение было опасным, и не осмеливались к нему притронуться. В конце концов, у них еще оставались виноградные удавки на шеях.

Кто бы мог подумать, что оно станет ключом к спасению?

На самом деле это неправда. Любой безжелательный и бесстрастный человек, познавший мирскую суету и обретший безмятежный ум, не подвергнется влиянию запретных богами предметов.

Можно сказать, что почти любой ребёнок до трёх лет смог бы живым выйти из этой медитационной кельи.

— Я пойду наберу! — Сыма Му выбежал наружу.

Увидев это, сестра Ли и брат Гу поспешили за ним. Похоже, этот чай - хорошая вещь. Надо запастись.

— Бай Ци, ты уже всё съел, что только что набрал? Я помогу тебе еще немного набрать, — старушка знала, что бессильна, и могла проявить себя лишь в таких мелочах.

Когда Цзинь Инчжэнь услышала это, она вскочила и выбежала.

«Я никогда не дам тебе возможности угодить оппе Лину».

— Спасибо! Позвольте представиться — моя фамилия Хуа, меня зовут Юэюй. А как твоё имя? Ты ведь не старше меня, так? — Хуа Юэюй на самом деле хотела сразу пойти набрать молочного тигуаньиня, но сдержалась, потому что знала, что сначала нужно поблагодарить.

«Далее я хочу живой выбраться из Сюаньсюя.

Для этого нужно сначала наладить отношения с этим крупным парнем».

Линь Байци! - Линь Байци посмотрел на Хуа Юэюй, которая была ему по грудь и была одета в форму моряка: - Я должен быть старше тебя!

Я студентка колледжа, окей! - Хуа Юэюй прикрыла рот и хихикнула: - Просто выгляжу как несовершеннолетняя девочка.

...

Линь Бай онемел.

Действительно, женский возраст нельзя определить по одному только лицу.

Так что влюбиться в меня не будет противозаконно! - закончив говорить, Хуа Юэюй вспомнила еще кое-что и быстро добавила: - Кстати, Хуа Юэюй - мое настоящее имя, именно так записано в домовоей книге!

Когда Хуа Юэюй раньше представлялась, люди часто думали, что она намеренно не называет своего настоящего имени, а использует вычурное, чтобы свысока смотреть на них.

Фамилия "Хуа" редкая! - слегка улыбнулся Линь Байци.

Да, самая известная - Хуа Мулань! - Хуа Юэюй много думает.

Для Линь Байци не имело значения, называла ли она свое настоящее имя или нет. Даже если бы она назвалась Царицей-Матерью, это было бы бесполезно, если они не выберутся из Сюаньсюя.

Почему бы тебе не пойти набрать чайных листьев и не запастись ими на случай самозащиты? - Линь Байци держал факел и смотрел на курильницу.

«Подожгу эту штуку, пока она не навредила кому-нибудь еще».

Тогда я пойду! - Хуа Юэюй расставила ноги в черных чулках выше колен и выбежала из

медитационной кельи.

«Разминка перед трапезой закончена, можно есть!»

Что есть? - Линь Байци не мог ни смеяться, ни плакать: - Хочешь, чтобы я сжевал курильницу или проглотил пепел?

«На этом топчане присутствует божественная милость, которую в человеческом царстве называют "изустным чтением". Если съешь ее, она твоя!»

«Изустное чтение в китайском понимании, как следует из названия, означает, что ты можешь повторить все, что слышал однажды, немедленно!»

<http://tl.rulate.ru/book/104505/3894488>